

ЛИНГВИСТИКА

А.И. Федоров

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Языковая ситуация в Сибири и ее изучение

Аннотация: Статья содержит сведения о языковой ситуации в Сибири и определяет проблемы изучения родных языков народов Сибири.

The article contains informations the about language situation in Siberia and determines problems of study Siberian native languages.

Ключевые слова: Языковая ситуация, Сибирь.

Language situation, Siberia.

УДК: 821.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИФЛ СО РАН, Тел. (383) 3305345. E-mail: romodan@philology.nsc.ru.

Цель статьи, предлагаемой вниманию читателя, состоит в том, чтобы обобщить и оценить известные в лингвистической науке результаты изучения состояния языков народов Сибири к началу XXI века и учесть социолингвистические сведения о перспективе развития этих языков в изменившихся социальных условиях жизни народов Сибири в начавшемся столетии. Зачем это нужно сделать? Необходимость изучения состояния языков Сибири в условиях их взаимодействия с русским языком позволит установить их перспективные функции, а это, в свою очередь, поможет уточнить предмет их изучения и правильно выбрать аспект лингвистических исследований этих языков.

При изучении любой языковой ситуации непременным условием ее анализа является учет функций языка. Применительно к изучению языковой ситуации в Сибири В.А. Аврорин выделяет четыре основных функции языка [Аврорин, 1973]:

- 1) коммуникативную – функцию общения;
- 2) конструктивную – функцию формирования мысли;
- 3) функцию выражения мысли, экспрессивную;
- 4) аккумулятивную – функцию накопления и хранения знаний.

До начала XVII столетия аборигенные народы Сибири жили на ее обширной территории в изоляции от народов России и Европы. Связи с русскими первопроездцами в конце XVI – начале XVII в. носили нерегулярный характер, ограничиваясь хозяйственно-промысловыми и торговыми отношениями. Но и в этой ситуации устного общения требовались толмачи, переводчики. В последующий период, когда пришлое русское население начинает поселяться на сибирской территории и контакты с аборигенами становятся постоянными, возникают условия развития билингвизма.

Первые факты развития двуязычия в Сибири зафиксированы в Якутии, на территории Русского Устья в конце XVI – начале XVII в. Это было русско-якутское двуязычие смешанного типа с элементами интерференции. Оно сформировалось на основе севернорусских говоров у переселенцев с русского Севера в устье реки Индигирки. Можно полагать, что двуязычие у жителей Русского Устья носило не массовый характер. Об этом свидетельствует исследование

М.Ф. Дружининой о нижеиндигирском старожильческом русском говоре [Дружинина, 1988]. Частично лексика этого говора представлена в этнографическом очерке А.Г. Чикачева [Чикачев, 1990]. В словарных приложениях этих работ представлена диалектная лексика севернорусского происхождения, а также несколько десятков слов финноугорского происхождения, заимствованных в материнскую основу говора, и несколько тюркизмов, заимствованных из якутского языка. Заимствованные лексемы тематически ограничены. Это лексика северной географической среды, охотничьего промысла, рыболовного промысла, ездового собаководства, названия видов одежды, пищи, средств передвижения, хозяйственных и жилых построек. Эта тематическая ограниченность заимствованных слов свидетельствует о том, что освоение контактирующего языка было неполным, частичным, так как языковая интенция носителя смешанного двуязычия зависела от меры информативной потребности в освоении второго языка, неродственного и имевшего другую типологию в структуре.

Такое состояние билингвизма сохранялось в Сибири вплоть до 30-х годов XX века, до периода так называемой «культурной революции», до которой большинство народов Сибири не имело письменности и литературных языков. Появление письменности у народов Сибири и формирование на ее основе литературных языков существенно изменили языковую ситуацию в этом регионе.

Исторический процесс изменений в языковой ситуации народов Сибири с конца XVI до конца XX в. изучен, хотя и непоследовательно, в многочисленных лингвистических исследованиях филологов Сибири (прежде всего Новосибирска и Томска), а также Санкт-Петербурга. Лингвистами Института филологии СО РАН составлена Целевая научно-исследовательская программа «Культурное наследие народов Сибири и русского народа» (Новосибирск, 1989).

Что следует иметь в виду из результатов названных исследований, чтобы откорректировать предмет и аспекты исследований языков народов Сибири в XXI веке?

Развитие большинства языков народов Сибири до двадцатых годов прошлого столетия шло в основном по пути развертывания их структур, заложенных в глубокой древности, т. е. стихийно (без сознательно вмешательства воли людей). Основной языковой функцией у этих народов была коммуникативная, которая проявляла себя в сфере семейного общения в пределах населенного пункта, реже в контактах с лицами в других населенных пунктах. Аккумулятивная функция, т. е. функция накопления знаний, опыта, ограниченно определяла количественный рост словарного состава, что зависело от общей материальной и духовной культуры носителей этого языка, живших в одинаковых условиях сибирской среды. Внешнее языковое воздействие при контактах носителей языков ограничивалось единичными заимствованиями немногих слов, семантика которых указывала на те реалии, которые были актуальны в жизни сибирских аборигенов.

Вместе с тем был и другой языковой процесс – утрата родного языка у тех малочисленных групп людей, которые оказались в среде иноязычного окружения. Так, например, большинство эвенков, проживающих на обширной территории Якутии малочисленными группами, перешло на якутский язык, а в Эвенкийском национальном округе Красноярского края эвенки, в местах компактного проживания, сохраняют родной язык, который выполняет у них не только коммуникативную и аккумулятивную, но и конструктивную функцию, т. е. функцию формирования мыслей (главным образом, у людей старшего поколения). Наличие этой функции обеспечивает языку устойчивость с сохранением всех других функций, в их числе и эстетическую в языке фольклора, мотивируя всю систему его образных представлений. Следует заметить, что сохранить эту совокупность образных представлений при буквальном переводе фольклорного текста, как правило, не удастся (утрачиваются в языке перевода так называемые фоновые знания, фреймы). В этом случае необходимо описательное истолкование контекста.

Современная языковая ситуация аборигенных народов Сибири изменяется главным образом в зависимости от различий в мере влияния на них русского языка в его двух разновидностях, русского сибирского просторечия (которое иногда называют полудиалектом) и русского литературного языка в его упрощенно-примитивном варианте СМИ.

Эта языковая структура утратила связь с литературно-письменным вариантом русского языка, который складывался в Сибири с начала XVII в. до XX в. В XVII в. литературно-письменный русский язык в Сибири существовал, главным образом, в форме делового стиля, что было обусловлено необходимостью органов государственного управления на огромной территории, присоединенной к России. Языковую основу этого стиля составлял деловой стиль московских приказов. Деловой стиль русских письменных памятников Сибири нельзя назвать литературно-нормативным: в его лексику вошло значительное количество диалектных слов севернорусского происхождения. Мера употребления словарных диалектизмов в деловых текстах зависела от их жанров. В меньшей мере диалектизмы представлены в жанре статейной письменности, который отличается большей обработанностью и сближается со стилем сибирских летописей. В жанрах челобитных и расспросных речей – основа живой разговорной полудиалектной сибирской речи [см.: Панин, 1985, с. 6–8].

Параллельно с развитием делового стиля в XVII и XVIII вв. формировался стиль русской старообрядческой литературы, которая создавалась под сильным влиянием произведений протопопа Аввакума (особенно в лексическом и синтаксическом уровне, совмещавших в себе русизмы и церковнославянизмы). В тот же национальный период, т. е. в XVII – XVIII вв. в Сибири развивалась разнообразная светская литература. Это прежде всего сибирские летописи (а также «городские летописи» и др.). Языковая структура этих летописей (лексический, синтаксический, морфологический уровни) далека от древнерусских летописей X – XII вв., она отражает общие процессы в развитии языка.

В последующий, национальный период истории Сибири, присоединенной к России, литературный русский язык, создаваемый в процессе творчества писателей и деятелей культуры европейской части России, считался образцовым в среде образованных людей Сибири (по мнению Г.П. Потанина сибирская интеллигенция воспитывалась на произведениях выдающихся писателей XIX в. российской метрополии).

Но литературно-письменным языком в Сибири до тридцатых годов XX в. пользовалось сравнительно небольшое количество русских людей, хотя поток переселенцев и ссыльных в этот регион в процессе его освоения постоянно увеличивался. Основную часть этого потока составляли переселенцы из северной и центральной частей европейской России, а в конце XIX в. – крестьяне из Белоруссии и Украины. Устной формой литературного русского языка, по-видимому, пользовались немногие из переселенцев, даже из числа грамотных людей. Об этом можно судить по эпистолярной и актовой письменности русских сибиряков. Устная форма общения русского языка была в основном диалектной и подразделялась, по свидетельству В.В. Палагиной, на отдельные территориальные зоны. Эту форму общения в разной мере (которая зависела от глубины и длительности контактов) осваивали отдельные лица из числа аборигенного населения Сибири.

В процессе контактов русского населения с сибирскими аборигенными народами с XVIII в. до двадцатых годов XX в. развивалось чаще всего индивидуальное двуязычие в форме русской диалектной речи и языка сибирской народности. В XX в., начиная с тридцатых годов, происходит нивелирование диалектных различий в речи русского населения Сибири. С 1920-х гг. XX в. языковая ситуация в Сибири начинает существенно изменяться: создание письменности для аборигенных народов с переводом ее в 1930-е гг. на русскую графику позволило фиксировать речевые тексты носителей языков (прежде всего фольклорные, т. е. уже

обработанные в процессе их создания и употребления исполнителями). А это, в свою очередь, обусловило консолидацию диалектов в общенародную форму общения. Создаются условия для образования литературных языков. В этот же период началось массовое изучение народами Сибири литературного русского языка. Оно осуществлялось через школьное и специальное образование и в значительной мере посредством устного общения с русскими в производственной сфере.

Процесс становления литературно-письменных языков у народов Сибири был неравномерным и непоследовательным, что было обусловлено многими причинами, объективными и субъективными.

Не все малочисленные народы Сибири в начале XX века пережили процесс этнической консолидации отдельных групп в единый этнос, обладающий общим языком. Так, например, селькупы, живущие на обширных пространствах Сибири, имеют четыре диалектных ареала, изолированных друг от друга и поэтому резко отличающихся, прежде всего в лексике. Письменность, созданная на базе тазовского диалекта этого языка, в пятидесятые годы XX века перестала использоваться в печатных текстах: они были малопонятны для носителей других диалектов этого языка; к тому же многие селькупы тазовского наречия освоили старожильческий томский говор, который точнее следует назвать полудиалектом русского языка. Удэгейский язык в отличие от селькупского не имеет диалектов, но литературный язык на его народной основе у этого народа не сформировался, а устная форма языка удэгейцев употребляется лишь в сфере бытового общения. Начиная с 1930-х гг. у народов Севера и Сибири складывается иной характер языковых контактов внутри этноса, между этническими группами и с русским населением. Перевод письменности на русскую графику и обучение в школе на русском языке позволили им активно освоить русскую духовную культуру. Русский язык утверждается в функции языка межнационального общения, а у образованной части молодого поколения людей – и в функции внутринационального общения. Возникает массовое двуязычие. Этнографы и социологи, изучающие современное состояние малочисленных народов Сибири, особенно их материальную и духовную культуру, отмечают существенное сокращение функций родного языка и даже его утрату, особенно у бесписьменных народов: ульчей, ороков, орочей, нганасан, энцев.

Тенденция перехода на русский язык у народов Севера и Сибири объясняется не только массовым освоением русского языка, но и изменением сферы деятельности этих народов. Утрата навыков традиционных видов труда и освоение новых в условиях русского (иноязычного) окружения в сознании людей из малочисленного народа изменяют характер восприятия, т. е. перцепцию, и это обуславливает утрату конструктивной функции языка, т. е. функции формирования мыслей. Ее начинает выполнять русский язык. Изменяется установка на выбор языка общения.

Если родной язык зафиксирован в письменности и истолкован, он сохраняется как источник знаний не только для лингвистов. Поэтому с 1930-х гг. до нашего времени лингвисты СССР, а теперь России активно изучали языки народов Сибири, отмечая при этом необходимость сохранения этих языков. В Ленинграде в конце 1950-х – начале 1960-х гг. В.А. Аврорин и его коллеги на лингвистических конференциях и семинарах сотрудников и аспирантов убедительно доказывали необходимость сближения ученых филологов-лингвистов с народами – носителями этих языков, чтобы постоянно поддерживать контакты с ними и успешно изучать их родной язык, создавая возможности для его совершенствования, что необходимо для сохранения их традиционной этнической культуры.

В.А. Аврорина поддерживал академик Д.С. Лихачев [Лихачев, 1986]: его философские доклады о необходимости сохранения природной и культурной среды для человечества в значительной мере содействовали лингвокультурологическим

убеждениям В.А. Аврорина, Б.А. Ларина и других филологов в необходимости сохранения и развития языков больших и малых народов СССР.

В.А. Аврорин, переехавший в Новосибирск в 1960-е гг., организовал силами сотрудников Института истории, филологии и философии СО АН СССР и филологов НГУ и лингвистических кафедр вузов Сибири лингвосociологическое обследование народов Сибири с целью выявить меру употребления в общении родного и русского языков аборигенными народами этого региона. Результаты обследования позволили убедиться в том, что все малые народы Сибири утрачивают главный показатель этноса – родной язык. А это вызывает целый ряд негативных явлений в жизни малых этносов. Причину такого положения В.А. Аврорин видел в изъянах языковой политики, что проявилось в отрыве воспитания и образования детей от родителей и от традиционной среды, что было следствием организации интернатов.

В шестидесятые и последующие годы XX в. среди лингвистов, активно изучавших языки народов Сибири (и национальной интеллигенции этого региона) утверждается мнение о необходимости ревитализации языков малочисленных народов Сибири. Из коллег В.А. Аврорина, работавших вместе с ним в Институте языкознания в Ленинграде, это мнение поддерживали П.Я. Скорик и Г.А. Меновщиков. Эту точку зрения не разделял О.П. Суник, ссылаясь на изменяющиеся социально-исторические условия в жизни малых народов Сибири. Народы Сибири, которые можно считать крупными (это якуты, буряты, тувинцы, хакасы, алтайцы), сохраняют родной язык, он существует и в устной и в письменной литературной форме. Более половины людей этих этносов владеют русским языком, хотя и в разной степени. Ревитализировать утраченный язык у бесписьменных народов невозможно, потому что восстановленную форму утраченного языка во всём богатстве его единиц надо заново осваивать не одному человеку, а молодому поколению людей в целом. К тому же лексический фонд ревитализированного языка искусственно нужно пополнить теми лексемами, семантика которых указывает на понятийную сферу, новую для утраченного языка, что можно сделать посредством словообразования или заимствования из известного им русского литературного языка, ставшего в России языком межнационального общения. К тому же посредством русского литературного языка многие специалисты из этносов Сибири и других регионов бывшего СССР осваивают содержание специальной европейской литературы, а также переводную художественную литературу.

Русский язык у малочисленных народов Сибири стал средством внутринационального общения. Это объективная реальность. Ее нельзя изменить, хотя и ясно, что с утратой родного языка утрачивается национальный фольклор, определявший культуру людей, их привычки, поведение, моральные ценности. У лингвистов, которые во главе с В.А. Аврориным в 1960-е гг. осуществляли социолингвистическое обследование малочисленных народов Сибири, сложилось убеждение в необходимости ревитализации (оживления, восстановления) родных языков этих народов. Это убеждение присуще до сих пор многим филологам из числа национальной интеллигенции. Так, например, известные лингвисты Якутии В.А. Роббек и А.В. Кривошапкин пишут в одной из статей: «В настоящее время, когда народы Севера решили воссоздать избранные предками многие века назад образ и специфический уклад жизни, возродить самобытную культуру, язык, традиции и обычаи, как никогда возникла реальная потребность в кадрах» [Роббек, Кривошапкин, 1993, с. 4].

Вполне возможно, что такое желание есть у многих людей старшего поколения народов Якутии. Можно ли возродить у любого народа прежние обычаи, культуру и язык? Язык и культура народов при смене поколений находятся в непрерывном развитии, в котором по законам преемственности из прошлого стихийно отбирается только то, что жизнеспособно. Известно, например, чем кончи-

лась попытка адмирала А.С. Шишкова вернуть русский литературный язык к архаической его церковнославянской основе в начале XIX в.

В.А. Аврорин, организуя лингвосociологическое обследование (о котором шла речь выше) и считавший возможным ревитализацию языков малых народов, осмысляя поздние результаты обследования, существенно откорректировал свое мнение о возможности ревитализации утраченных языков. Принимая во внимание законное право (закрепленное в Конституции России) каждого народа на сохранение родного языка и его совершенствование, В.А. Аврорин считал необходимым:

- 1) знать мнение и волю каждого народа Сибири на реализацию этого права;
- 2) выяснить объективную меру потребности родного языка в сложившейся ситуации, определив его сохранившиеся функции и перспективу их у различных возрастных групп;
- 3) определить реальные возможности для реализации этих задач.

При этом главное, на что обращал внимание В.А. Аврорин, изучать языковую ситуацию необходимо в ее синхронном и диахронном состоянии.

Сторонники ревитализации языков малых народов учитывают только первый и второй пункты рекомендации В.А. Аврорина, Конституция России и законы о языках народов России утверждают равноправие всех народов государства и особо требуют заботы и внимания государства к языкам малых народов. Но от законов до их реализации – «дистанция огромного размера» (говоря языком А.С. Грибоедова).

Законы не предусматривают мер по ревитализации языков, они могут содействовать этому процессу, если он реален. Реально ли восстановление языков малых народов? Отвечая на поставленные вопросы следует сказать, что специалисты-филологи, деятели просвещения бывшего СССР и современной России реализовали меры, частично способствующие сохранению и развитию всех языков народов России и бывших республик СССР. Но у малочисленных народов результаты предпринятых усилий перестают быть эффективными: созданная письменность у многих из этих народов не находит применения, потому что печатные издания на ней не пользуются спросом, так как язык, как известно, сохраняется его народным употреблением, а это употребление совершенствуется деятельностью писателей, прежде всего выдающихся. Большинство малых народов не имеет писателей. (Следует заметить, что известный писатель Ю. Рытхэу предпочитал писать на русском, которым он владел в совершенстве, хотя и знал свой родной язык).

Независимо от степени утраты коммуникативной функции языка малочисленного народа лингвисты должны найти максимум возможности для восстановления корпуса языка в электронных записях его текстов с целью лингвокультурологического изучения, а также подробного описания его типологии и историко-генетических связей. В этом случае необходимо предварительно установить, в какой мере представлен язык в имеющихся записях речевых текстов в их тематическом разнообразии и в полноте фольклорных жанров.

Возможности пополнения записей текстов разговорной речи и фольклора при современном состоянии исчезающих языков малочисленных народов ограничены: остались единицы людей, которые хранят в памяти родной язык. Трудно в этой ситуации найти информанта, носителя родного языка. Чтобы добиться репрезентативности текста специалист-филолог (лингвист, фольклорист) или этнограф, производящие записи текстов, должны владеть языком информанта и, зная предмет разговора, вести его не в форме надоедливых вопросов по заранее подготовленному списку, а свободно, проявляя интерес к образу жизни собеседника, к его обычаям и культуре. Такой способ собирания фактического материала в 1950-х гг. обосновал проф. Б.А. Ларин. Этот способ применяли диалектологи Псковского пединститута и Ленинградского университета, что дало возможность

им максимально увеличить словник картотек и создать на их основе богатые по словнику диалектные словари. Такой способ собирания фактического материала Б.А. Ларин назвал методом вживания в диалектную среду. При его применении (в отличие от утомительных вопросов по программе, напомиавших допрос) информант непроизвольно активизирует память, извлекая из нее забытые или полузабытые слова и словосочетания. Знание таких языковых единиц позволит полнее представить историю материальной и духовной культуры малочисленных народов Сибири.

Располагая имеющимся корпусом речевых текстов и фольклорных записей, лексикографам прежде всего следовало бы составить словарные картотеки, чтобы определить по их словнику возможности для составления лингвокультурологического словаря каждого из языков малочисленных народов Сибири. Это такие словари, которые близки к толково-переводным словарям, но их словарные статьи должны содержать дополнительные сведения о содержании тех слов и фразеологизмов языка-источника, которые не имеют словарных эквивалентов в русском языке, т. е. в языке, на который переводится лексема. Это не только слова-символы и многозначные слова, не совпадающие в значении со значениями языка перевода, но и этнографизмы и фразеологические единицы. Буквальный (т. е. дословный) перевод таких языковых единиц при их толковании утрачивает смысл, передающие представление и понятие в сознании информанта.

Сигнификат и коннотацию в семантике таких лексем необходимо истолковывать способом энциклопедического описания. Лингвокультурологический тип словаря по своей цели не совпадает с целями нормативного словаря. Поэтому в его словнике следует помещать и диалектные слова и их варианты.

Составление словарей лингвокультурологического типа – особая задача, выполнение которой требует подготовки лексикографов через аспирантуру. Разумеется, это потребует дополнительных усилий штатных сотрудников научных и учебных заведений и финансовых средств из бюджета государства. Но если конституция государства содержит закон, обеспечивающий сохранение и развитие всех языков народов России, следует, по-видимому, хотя бы выполнить то, что возможно из задач в сложившейся языковой ситуации народов России.

Русский язык русскоязычного населения Сибири существует в разных формах устной речи: это сибирское просторечие, в котором употребляются диалектные слова и формы слов; диалектная речь старожилов, литературный язык городской и сельской интеллигенции.

Устная форма современного русского литературного языка в России нуждается в существенном улучшении, так как на нее непрерывно оказывает негативное влияние язык средств массовой информации, примитивно-упрощенный, варваризированный неоправданным употреблением иностранных слов, арготизмов, жаргонизмов и, главное, изобилующий ошибками в семантической сочетаемости слов, в которой они теряют нормативное лексическое значение.

Так, например, в каждой телепередаче десятки раз встречаются словосочетания с наречием «достаточно», которое теряет словообразовательное значение, обусловленное семантикой производящей основы «достаток»: «Семья была достаточно бедная, и пришлось идти работать в трамвайный парк»; «Я была достаточно больная и не присутствовала на заседании». В речи многих чиновников это слово стало единственным из синонимического ряда слов, обозначающих меру проявления признака (включая слова с суффиксами «-оват-», «-еват-»): «Бумаги были достаточно неликвидны»; «Я сказал достаточно внятно»; «Лечение рубцов на коже бывает достаточно редко».

Об изъянах языка в средствах массовой информации необходимо писать в учебных пособиях по русскому языку и сообщать в телевизионных и радиопередачах. (Примеры взяты из телевизионных передач в сентябре-октябре 2009 г.)

Особое место в языковой ситуации Сибири занимает состояние языка белорусов и украинцев. Это не малые народы. Их в Сибири сотни тысяч. Украинский и белорусский языки, как и русский, – близкородственные языки: они развились из общего древнерусского языка Киевской Руси. С конца XIX в., когда началось массовое переселение в Сибирь украинских и белорусских крестьян, прошло более столетия. В местах компактного их расселения родной язык сохраняется в функции семейного общения, в бытовых беседах с односельчанами. В названных функциях язык проявляет себя в ограниченном объеме средств. Но не это главное: его носители, хотя и в разной мере, испытывают необходимость пользоваться произведениями национальной культуры на родном литературном языке, прежде всего песенным фольклором, художественной литературой, публицистикой. Для этого необходимо организовать местные каналы телевизионных передач и радиопередач. Все это не только воспитывает людей в национальных традициях, но и определяет в их сознании установку на сохранение и развитие родного языка. Следует также в библиотеках населенных пунктов Сибири, где живут украинцы и белорусы, организовать отделы национальных литератур. В школах таких населенных пунктов необходимо организовать преподавание родного языка, учитывая в этом случае желание и волю родителей детей. Реализация этих мер существенно бы изменила двуязычие украинских и белорусских сибиряков, оно стало бы развиваться от упрощенной формы к литературной.

Заключая статью, хочу сказать словами поговорки: «Не хлебом единым жив человек» (даже в кризисный век!).

Литература

- Аврорин В.А. Языковая ситуация как предмет социальной лингвистики // Известия СО АН СССР. Сер. «Обществен. науки». 1973. Вып. 3.
- Дружинина М.Ф. Нижнеиндигирский старожильческий русский говор. Якутск, 1988.
- Лихачев Д.С. Прошлое будущему. Л., 1986.
- Панин Л.Г. Лексика западносибирской деловой письменности, XVII – первая половина XVIII в. Новосибирск, 1985.
- Роббек В.А., Кривошапкин А.В. Малочисленные народы Республики Саха (Якутия) // Якутия. Малочисленные народы севера Якутии. Якутск, 1993.
- Чикачев А.Г. Русские на Индигирке. Новосибирск, 1990.